

А. Г. Мусанов, Топонимия Верхнего Прилузья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1999.

8 февраля 2000 года на заседании Диссертационного совета Д 064.44.01 при Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Топонимия Верхнего Прилузья» Алексеем Геннадьевичем Мусановым. Официальные оппоненты — доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), кандидат филологических наук О. П. Аксенова (Кудымкар).

Топонимия была и остается одной из важных отраслей уралистики. И это естественно, если учесть известную истину: географические названия каждого языка содержат в своем составе апеллятивы, представляющие большой научный интерес для всего комплекса филологических и исторических наук, в том числе истории культуры малочисленных народов, чье прошлое недостаточно полно отражено в памятниках письменности и других источниках. Безусловно, топонимы в плане семантики и адекватности названия содержанию географического объекта всегда находились в поле зрения топонимистов и специалистов, изучающих вопросы историко-культурных взаимоотношений финно-угров с неродственными по языку соседствующими народами, контакты с которыми способствовали возникновению иноязычных наслоений в топонимической системе финно-угорских языков.

За последние десятилетия в связи с миграцией из мелких селений, урбанизацией и по другим причинам с карты Республики Коми исчезло много названий небольших деревень и лесных поселков. Ежегодно выходят из употребления микротопонимы, представляющие собой ценный материал для исследования истории языка и диалектологии. Поэтому необходимость неотложного изучения названий физико-географических объектов возрастает с каждым годом.

Правда, системное исследование коми топонимии ведется с конца 1960-х годов. За это время написаны три кан-

дидатские диссертации (Е. И. Овчинникова, Коми топонимия в лексической системе русского языка (1970); А. И. Туркин, Топонимия Нижней Вычегды (1972); З. П. Анурьева, Топонимия Ижмо-Печорского бассейна (1983)), а также докторская диссертация (А. И. Туркин, Топонимия Коми АССР (1989)).

Опубликованы «Топонимический словарь Коми АССР» (Сыктывкар 1986), словари-справочники «Географические названия Коми АССР» (Сыктывкар 1990), «Топонимия Республики Коми» (Сыктывкар 1996), книги и статьи, посвященные местной географической терминологии как источнику образования географических названий, выявлению и анализу субстратных топонимов.

Тем не менее исследование географических названий Республики Коми нельзя считать достаточным относительно полноты территориального охвата и круга вовлекаемого материала. А. Г. Мусанов справедливо констатирует, что топонимические исследования в настоящее время носят скорее фрагментарный характер, вследствие чего есть целые регионы, топонимия (и особенно микротопонимия) которых не только не изучена в лингвистическом плане, но и не представлена в научных источниках (с. 7—8).

Между тем земля Коми (ранее Зырянский край, еще ранее Пермь Вычегодская) широко раскинулась на крайнем северо-востоке Европейской части Российской Федерации, охватывая Печорскую и Мезенско-Вычегодские низменности, Средний и Южный Тиман, западные склоны Уральских гор в границах Северного, Приполярного и Полярного Урала. Начинается она на берегах Лузы и через девять параллелей уходит на север, в Большеземельскую тундру, в царство оленей и белых ночей. Территория Республики Коми имеет наибольшую протяженность с юго-запада на северо-восток — 1275 км, с севера на юг

— 785 км, с запада на восток — 695 км. Площадь ее составляет 416,8 тыс. кв. км, где уместилось бы почти 14 таких государств, как Бельгия (Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 года, Сыктывкар 1992).

Еще никто не подсчитал, сколько географических названий крупных и многочисленных мелких объектов (болот, прудов, ручьев, лесов, холмов, пашен и т.п.) существует на этой необъятной территории. По подсчетам американских специалистов, в одном только штате Калифорния зафиксировано 150 тысяч географических названий (без названий улиц), в то время как английские словари общего типа обычно содержат около 60 тыс. слов (А. В. Супранская, *Что такое топонимика?* Москва 1984, с. 5).

В топонимиконе Республики Коми, несомненно, есть реликтовые названия, представляющие определенный интерес при решении диахронических вопросов уралоистики, а также проблем этно- и палеолингвистики, этногенеза финноугров и самодийцев. Руководствуясь подобным рода соображениями, А. Г. Мусанов справедливо отмечает, что топонимия как наиболее консервативный пласт лексики несет информацию не только об истории проживающего на данной территории народа, но и об истории его языка с точки зрения лингвогенеза и диалектообразования (с. 8).

Исследование топонимии Верхнего Прилузья ликвидирует еще одно «белое пятно» на топонимической карте Республики Коми и вводит в научный оборот новый материал по не исследованному еще региону.

Работа наряду с научной ценностью имеет и определенное прикладное значение, сюда можно отнести составление регионального топонимического словаря. Проанализированные топонимы, содержащие исходные данные и в какой-то мере отражающие лексические и фонетико-морфологические особенности лузско-летского диалекта, безусловно, помогут решить проблемы стандартизации географических названий Республики Коми.

Тема работы А. Г. Мусанова актуальна и обращение к ней своевременно в свете не только решения научно-практических задач коми языкознания, но и разработки общетеоретических проблем ономастики.

Основной целью исследования является всестороннее изучение топонимической системы бассейнов Лузы и Летки. Реализуется она в ходе решения следующих пяти задач: 1) систематизация собранного из разных источников материала автора; 2) определение словообразовательной структуры названий; 3) лексико-семантический анализ географических названий; 4) характеристика топонимов с этимологической точки зрения; 5) установление этнолингвистических пластов топонимов исследуемого района (с. 10).

Нетрудно заметить, что эти задачи важны для разработки общей теории механизма топонимобразования, принципов топонимической классификации, установления типовых топооснов с определенными топоформантами, воссоздания праформы названия и установления его этнической принадлежности.

Источником для исследования послужили полевые записи географических названий и диалектной лексики, произведенные автором по специально разработанной программе в топонимических и диалектологических экспедициях. Топонимический материал собран более чем в 100 населенных пунктах, оформлен в виде картотеки и занесен в компьютер для обработки по специальной программе. Картотека географических названий содержит более 3000 лексических единиц, среди которых около 700 ойконимов. Кроме того, А. Г. Мусановым использованы материалы, извлеченные из древних актов, писцовых и переписных книг, экономических примечаний к картам и планам генерального межевания и др.

Общий объем исследования — 259 страниц машинописного текста, оно состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения, списков условных сокращений и использованной литературы. Кроме того, имеются четыре схе-

матические карты, четыре таблицы, «Словарь географических названий Верхнего Прилузья», включающий 763 словарные статьи.

В предисловии (с. 6—12) автор указывает на актуальность работы, ее теоретическую и практическую значимость, обосновывает выбор региона изучения, определяет цель и задачи исследования, описывает принципы и методы, источники работы, а также отмечает ее научную новизну, апробацию основных положений и результатов. Основные положения исследования отражены в 14 вышедших или подготовленных для публикации работах автора.

Введение (с. 13—35) состоит из трех рубрик — «Изучение географических названий Верхнего Прилузья (к истории вопроса)», «Географическая и демографическая характеристика региона», «Краткий исторический очерк заселения Верхнего Прилузья». Введение предваряет историография вопроса. В истории собирания и изучения географических названий Верхнего Прилузья условно выделены два периода. Для первого (XV — первая половина XX в.) характерна фиксация топонимов в документах, книгах и трудах ученых-путешественников; ко второму (вторая половина XX в.) относятся работы коми и русских лингвистов (с. 17—18).

Первая глава (с. 36—47) посвящена характеристике лузско-летского диалекта коми языка. В ней основное внимание уделяется анализу фонетических, морфологических, лексических особенностей диалекта и их отражению в топонимии изучаемого ареала.

Употребление этимологического *l* в позиции инлаута и ауслаута, возникновение в топонимах дополнительного, неэтимологического звука (согласных *j*, *k*, *t*), устранение, выпадение звуков из состава названия, появление добавочного звука в анлауте слова, явления метатезы и многие другие процессы фонетического развития постоянно видоизменяют фонетический облик географического названия, не затрагивая его значения, например: *Ир* 'омут' (Обьячево), ср. присыкт. *йир* 'омут'; *Лэжнӧга* — название урочища; *лежнӧг* 'шипов-

ник', ср. присыкт. *жельнӧг* 'шиповник' (с. 42, 43) и др.

В топонимии Прилузья встречаются названия с локативным суффиксом *-ла* (гидронимы *Гӧстила*, *Устила*, *Пегла*). Среди суффиксов, активно участвующих в создании топонимов, безусловно типовыми могут быть названы следующие: *-эдз* (предельного падежа), *-ла* (достигательного падежа), *-лӧн* (родительного падежа), *-ын* (местного падежа). Суффикс *-ти-*, указывающий на местонахождение, тождествен коми *Здин* с вариантом *дин*, например: *Палактикурья* 'залив около Пелагеи'.

Основой многих коми ойконимов служат антропонимы, топонимообразующими при этом являются русские суффиксы *-овк-*, *-евк-*, *-к-*, которые наращиваются флексией *-а*, например: *Ивановка*, *Прокопьевка* (с. 45), *Аксёновка* (с. 190).

Случаи семантических сдвигов в смысловых блоках отдельных лексем под действием импульсов интралингвистического характера, в свою очередь, подрывают тождество топонима со стороны значения, не отражаясь на его облике, например: *Рудзга ёль* (гидроним), где *Рудзга* от *Рудзӧга*, лл. *рудзӧг* 'всходы', ср. присыкт. *рудзӧг* 'рожь'. *Рудзга ёль* — богатый невысокой растительностью лесной ручей. *Яра почин* (агрооним), лл. *яра* 'быстро', ср. вым. *яра* [*йара*] 'яростно; рьяно, ретиво', *почин*, сохранило значение языка-источника — 'начало; освоение целины, новая пашня на месте сведенного леса' (с. 46). *Яра почин* — быстро освоенная пашня на месте сведенного леса.

Во второй главе анализируется апеллятивная лексика в топонимии Верхнего Прилузья (с. 48—76).

Говоря о словарном богатстве коми языка, автор отмечает, что коми язык и его диалекты содержат много географических терминов. Апеллятивная лексика выступает в качестве основной номинативной единицы. А. Г. Мусанов несомненно прав в том, что трансформация апеллятива в гидроним, минуя какие-либо промежуточные звенья, происходит благодаря соотносимости его значения с содержанием географического

объекта. Наряду с бесспорным достоинством анализа, хотелось бы отметить и отдельные неточности. Так, по мнению автора, апеллятиву *эль* 'лесной пересыхающий ручей; небольшая лесная речка' нет соответствий в других пермских языках (с. 50). При этом обращает на себя внимание затемненное в семантическом отношении удм. *йуль*, уцелевшее в названии реки *Июль* — притока р. Позимь — и в производном от него ойкониме *Июльское* (название русского села в Воткинском районе Удмуртии).

Рассматривая удм. *йуль*, М. Г. Атаманов (Удмуртская ономастика, Ижевск 1988, с. 62) под вопросом определяет его лексическое значение как 'лесная речка'. Сопоставление удм. *йуль* с коми *эль* представляется ему вероятным, поскольку звукосоответствие удм. *у* — коми *о* не вызывает сомнений и подкрепляется примерами: удм. *юн* — коми *ён* 'сильный, крепкий', удм. *юш* — коми *ёкш* 'окунь' и др. По поводу фонетического облика названия села *Июльское* М. Г. Атаманов заметил, что пришлое русское население освоило удмуртское название, сблизив его под влиянием народной этимологии с наименованием месяца *июль*.

В этимологическом отношении коми *эль* и удм. *йуль* являются скорее всего фонетическими вариантами некогда существовавшего уральского слова со значением 'лесная речка'. Представляется вероятным, что их древнейшим прототипом послужило сельк. (таз.) *šölki* 'лесная речка': *šöl* 'лесная' (А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкينا, Очерки по селькупскому языку I. Тазовский диалект, Москва 1980, с. 122) + *ki* 'речка'.

Автором проанализировано значительное количество апеллятивов, восходящих к разным языковым источникам.

Третья глава (с. 77—95) содержит структурную классификацию географических названий бассейнов Лузы и Летки. Анализ структуры географического имени является одной из важных теоретических и практических задач исследования. Словообразовательная струк-

тура топонимов рассматривается автором на фоне словообразования апеллятивов.

Все топонимы по количеству входящих в них компонентов А. Г. Мусанов делит на простые (односоставные), сложные, состоящие из детерминанта, указывающего на разряд называемого географического объекта и определяющего его атрибут, и эллиптированные (названия-эллипсы) (с. 78). Он придерживается синтаксической классификации, предложенной Куртом Циллиаксом.

Глава богата ценными сведениями и свежей информацией, поскольку значительное число наименований объясняется впервые.

Четвертая глава (с. 96—134) посвящена семантической классификации топонимов в бассейнах Лузы и Летки. Слова автор группирует по семантике образующих основ. Он выделил три группы географических названий по принципу номинации: 1) по связи объекта с человеком; 2) по отношению к окружающим объектам; 3) по собственным свойствам и качествам (с. 98).

В пятой главе рассматривается взаимодействие коми языка с другими языками в топонимии Верхнего Прилузья (с. 134—152). Сопоставляя названия *Зыбкий*, руч., и коми *Зыпка шор*, А. Г. Мусанов отмечает, что звук *b* заменен глухим смычным *p* (с. 141). Однако название сохраняет произносительную норму в силу действия контактной регрессивной ассимиляции. Коми *кай* 'птица' (с. 149) сравнимо с мар. *кайык* 'птица', ср. гидроним *Каюг*, правый приток р. Шелюг. В марийском языке нет слова *йылга* со значением 'река' (с. 151). *Елга* можно сравнить с тат. *елга* 'река'. Глава богата ценными сведениями и новыми данными, поскольку взаимодействия языков и трансформация топонимов рассматриваются впервые.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 153—159), содержащим выводы по пяти главам.

К числу недостатков, замеченных в исследовании, нужно отнести опечатки (с. 8, 12, 16, 35, 44, 48) и отдельные погрешности стилистического характера. Указанные недочеты не носят прин-

ципиального характера и не снижают общей положительной оценки работы.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью сказать, что А. Г. Мусанов решил многие ключевые вопросы топонимии. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретическая и практическая значимость их несомненна, поэтому они могут быть использованы при исследовании топонимов других регионов с финно-угорским населением и найдут применение в пре-

подавании лексикологии, диалектологии, исторической фонетики, диахронической фонологии и морфонологии и т.п. в вузах Урало-Поволжского историко-географического региона.

«Словарь географических названий Верхнего Прилузья», содержащий исходные данные и в какой-то мере отражающий языковые и диалектные особенности, безусловно, поможет решать проблемы стандартизации топонимов географических наименований.

А. Н. КУКЛИН (Йошкар-Ола)